

Алиссандра Кардаш

Традиция выживать

Алиссандра Кардаш

Традиция выживать

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50175028

ISBN 9785449811288

Аннотация

Ива – девушка, душа которой горит ярким пламенем и жаждет приключений. «Приключения происходят только с теми, кто их достоин», – говорили Иве её родители. И уже через полгода девушка оказалась в водовороте событий, многие из которых предпочла бы забыть. Она потеряла человека, котором дорожила, и обрела то, о чём когда-то безумно мечтала. Но пора бы понять, что моменты важнее воспоминаний, а воспоминания – важнее слов.

Содержание

Традиция выживать	5
Ива Адлер	5
График на учебный год	30
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Традиция выживать

Алиссандра Кардаш

*Самую сильную боль причиняет не враг,
а тот, кто обещал всегда быть рядом.*

© Алиссандра Кардаш, 2020

ISBN 978-5-4498-1128-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Традиция выживать

Часть I

Ива Адлер

*Самую сильную боль причиняет не враг, а тот,
кто обещал всегда быть рядом.*

Именем утреннего тумана, пусть всё это закончится!

Проснулась я в холодном поту – голова готова была расколоться на части. Казалось, что это не сон, а самая настоящая реальность, но я понимала, что такого просто не может быть. Вот она я, размышляю о своём сне, в своей кровати... Только вот сердце стучит не в груди, а в голове, а мысли никак не возвращаются от ночи к реальности.

За окном громко выл ветер, снег замёл всю улицу. Не сладко же придётся нам завтра, когда станем разгребать дорогу.... На душе было совсем тяжело, и я понимала, что в ближайшее время точно не смогу заснуть. Глубоко вздохнув, встала, выглянула в окно и остолбенела – птица сидела прямо на моём подоконнике, с другой стороны. Обычный ворон... Именем всех небесных существ... Неужели я возвращаюсь в сон?

Я немного успокоилась, глотнув воды из стакана, но тут снова вздрогнула – ворон постучал в окно. Мне показалось, да? И всё-таки я тихо приоткрыла форточку, стараясь не запустить в комнату ветер, а сердце билось всё быстрее. Но уже, кажется, в груди, а не в голове. Я разглядела, что этот ворон всё же чем-то отличался от других птиц, но чем – понять не смогла. Чёрный, под светом луны оперение блестит и отликает синим и виноградным цветом, а глаза умные – будто бы всё понимает. В его клюве – письмо в конверте с печатью, но совсем маленьких размеров – не больше двух дюймов. Дрожащими руками я взяла конверт из лап птицы. Мало ли – ворон может быть просто дрессированным. Алыми буквами на конверте были написаны только цифры – комбинация единиц и нулей, и у меня почему-то промелькнула мысль, что написаны они кровью. «Глупости!» – подумала я, а вслух спросила: «Ну и что это?» Ворон только тут же улетел – разумеется, а чего я ждала? Огорчение отозвалось неприятной ноющей болью, но предвкушение чего-то странного и необычного заставило меня сесть за стол и достать ручку.

В горле хрипело, ведь я, к своему же неудовольствию, заболела в зимние каникулы, и уже несколько дней не выходила из дома. Поэтому такая «встряска» от ворона была мне на пользу.

Я села за стол и достала одну из немногих тетрадей, что ещё не были исписаны моими заметками и рассказами. Мыс-

ли то возвращались к числам на листке и чистой тетради, то улетали в небо вслед за вороном. Сейчас это казалось мне полным бредом, и я даже предположила, что это просто сон, но, ущипнув себя, убедилась в реальности событий. Если я кому-нибудь расскажу эту историю, они, конечно, подумают, что я или сказочница (что было правдой), или сумасшедшая. А родители и вовсе вызовут врача, подумав, что я в бреду. Посреди ночи ворон постучался ко мне в окно и отдал письмо с какими-то непонятными цифрами. Единственный человек, которому я могла рассказать эту историю – это... разве что я сама. Я прикрыла глаза и, пытаясь сосредоточиться, стала искать цифры, которые могли мне о чём-то говорить. Разумеется, здесь зашифрованы какие-то слова, то есть нужно как-то связать эти цифры с буквами.

Тогда я подумала, что это номер карты или какого-то документа, но оказалось, что и это предположение ошибочно.

Я просидела час или полтора, разгадывая цифры, включила систему распознавания двоичного кода, попробовала перевести на разные языки. И мне в голову пришла идея – есть ведь различные методы сказать одно и то же разными знаками – например, различными азбуками. Морзе. Что если послание здесь зашифровано именно так – как раз две цифры чередуются, это будто бы точка и тире. Осталось только понять, какая цифра – точка, а какая – тире, и, если я права, код будет разгадан не больше, чем через полчаса.

Голова уже ужасно болела, хотелось спать, а я настыр-

но сидела и разгадывала код, который попал ко мне таким странным образом. Точка – ноль, тире – один. «Вантовый мост, полдень», – вот что гласило письмо. А смысл так всё усложнять? Я ещё несколько минут сидела, смотря в окно над столом, подперев щёки руками.

Разумеется, мне очень хотелось пойти. Но что я скажу родителям – куда тринадцатилетняя, да ещё и больная девочка собралась посреди дня? Я вышла на балкон, и почти тут же вернулась в спальню, покрывшись мурашками. Скажу, что хочу проветриться, и обязательно пойду. На мосту людей достаточно, так что бояться мне нечего. А пока было бы неплохо поспать – уже шесть утра!

Именем ночных звёзд, да придёт ко мне сон и не пропадёт любопытство...

Как бывает всегда, утром я совсем не желала вставать, хотела вообще забыть про всё это, никуда не идти, но, увидев рядом с собой листы со вчерашними усердными попытками разгадать код, всё-таки поднялась с кровати, и по рукам пробежал холод. Ужасно хотелось спать. Я медленно, на ватных ногах подошла к шкафу и оделась, натянула поверх всего тёплый свитер и только тогда отправилась на первый этаж, завтракать, бросив в карман конвертик с письмом и собственный листок с разгадкой.

– Вы сегодня рано, – пошутил отец, видя мои сонные глаза и руки, не отрывавшиеся от лица. Я натянула улыбку и тихо засмеялась:

– Плохо спала ночью, – завтрак уже был почти готов.

– Зачем тогда поднялась? – мама, уже собравшись ехать на работу, выглянула из-за двери в гостиную. Я только неопределённо пожала плечами и не стала ничего говорить. Пожарив себе гренки, села за стол под пристальный взгляд отца. Мама на прощанье поцеловала нас обоих и с улыбкой выскочила за дверь, кухню обдало холодом, я вся будто бы покрылась льдом. Иногда я удивлялась, как она умудряется оставаться такой лёгкой и подвижной – будто бабочка... или скорее трудолюбивая пчёлка. Этим я от неё отличалась. Я была любопытной, но не трудолюбивой. Хитрой, но не мудрой. Талантливой (относительно, конечно), но не стремительной.

Как часто бывает, отцовский рыжий цвет победил каштановый, и потому моя огненная шевелюра выделялась в толпе, а веснушки, словно рассыпавшаяся ягода, покрывали нос, щёки, плечи и шею. Бледноватая кожа, которая летом тоже покрывалась неяркими веснушками, и прямой нос, и тонкие губы, и густые тёмные ресницы. Я любила подчёркивать свою индивидуальность изумрудными, почти в тон глазам, платьями, блестящими заколками поднимала волос. От папы мне достался высокий рост – хотя, наверное, скорее средний – я была выше мамы, но не выделялась этим среди одноклассников – и, наверное, кое-какие черты характера. Сложно говорить о самой себе...

– Пап, можно мне поехать в город? – спросила я, когда он

встал из-за стола. Отец поднял брови.

– Неужели? А я думал, ты болеешь, – многозначительно погрозил пальцем отец, но я наделась и догадывалась, что он шутит.

– Мне надоело целыми днями сидеть дома. Я ненадолго, правда. Ну пожалуйста, – я наклонила голову и жалобно посмотрела блестящими изумрудными глазами, которые папа называл кошачьими.

– Ладно, иди. Только матери не слова, иначе мне попадёт! – он ослепительно улыбнулся и, накинув куртку, вышел из дома. Я осталась одна – ключ лежал на тумбочке, а на часах уже половина одиннадцатого – мне, честно говоря, никуда не хотелось идти с насморком и хрипотцой в голосе, когда на улице мороз и тучи. Но любопытство во мне всегда побеждало всё остальное. Это было как преимуществом, так и недостатком.

Я не стала снимать тёплый свитер, надела куртку и прихватила рюкзак, выскакивая из дома и подпевая любимым песням на ходу. Ничего не замечая и танцуя, я закрыла дверь. А когда обернулась и сделала шаг в сторону дороги, замерла – ворон сидел на калитке и асинхронно моргал янтарными глазами. Вот тогда я и поняла, чем этот ворон отличался от всех остальных – глазами. Я с минуту постояла, не шевелясь, а потом подошла ближе. Птица поднялась в воздух, но не улетела – кружила над моей головой, оставаясь на ветках и чужих домах. Мне казалось, что она

за мной следит, хотя, наверное, это просто глупость после всего увиденного ночью. Когда я подходила к станции, ворон, последний раз метнув на меня взгляд, поднялся выше и улетел. Я спустилась к метро, прошла через турникет и прыгнула в вагон, а уже через час была у Вантового моста.

Я скучала по центру, не была здесь больше недели. И вот он – Вантовый мост. Не такой большой, как центральный, но сложно найти здесь то, что я ищу. А собственно, что я ищу? Я ведь понятия не имею, кто отправил мне письмо, да ещё и таким странным способом. Теперь мне показалось глупой идеей приехать сюда – я стояла, как сумасшедшая, посреди улицы, и глупо смотрела на мост, не замечая вокруг толкающих меня людей. Полдень ещё не настал – оставалось пять или шесть минут. Я подошла ближе к месту встречи и через толпу направилась к середине. Вот часы на руке щёлкнули – двенадцать часов дня. Я продолжала стоять, не понимая, чего жду. Неужели всё зря? Зря я с таким нетерпением ждала полудня и засыпала со счастливой мыслью о приключениях, зря не спала полночи, зря...

В конце моста, метрах в тридцати от меня сидела знакомая птица... Я поражённо смотрела на неё. Это было уже пределом странностей. Подошла ближе, ворон не улетал. Я протянула руку к его оперению, и даже тогда он не шевельнулся. Гладкие перья на солнце блестели и отливали не только синим, но и бирюзовым, и фиолетовым, и всеми цветами мира. Как радуга после дождя, как сам дождь, как полупро-

зрачный туман...

– Чего я жду? – шепнула я самой себе, но не уходила, продолжая поглаживать ворона рукой без перчатки. Тогда моей ладони коснулось что-то холодное, и упало на землю. Я наклонилась – перстень. Перстень в виде головы ворона, который идеально мне подходит. Я поднялась – ворона не было. Причём не было нигде – я не нашла его очертаний в небе, под мостом или на одном из домов. Может, спрятался в деревьях. Сначала зашифрованное письмо, теперь это... Неужели и кольцо ворон бросил?

Я почти не чувствовала холода, подбирающегося к сердцу и горлу, но в итоге всё-таки сдалась – направилась в ближайшее кафе, чтобы хоть немного согреться. И когда умиротворяющее тепло согрело тело, ужасно захотелось спать. Чёрт бы побрал этого ворона!

– Девушка, вам плохо? – официант, парень лет двадцати, коснулся моего плеча, а я ничего не могла ответить, только слабо кивнула головой, но вышло не слишком убедительно. Он с силой дёрнул меня за плечи и поднял – я пошатнулась. Сама не знаю, что со мной случилось – я уже вроде бы почти выздоровела, да и никогда не случалось такого, чтобы мне было настолько плохо, что я не могла встать и заговорить. Через пять минут я уже сидела на переднем сиденье старой машины, а на месте водителя – тот официант. Он то и дело на меня тревожно поглядывал, а я не могла даже ответить, глаза были полузакрыты.

Неужели до палаты он нёс меня на руках? Может, так всё и было.

– И что с ней? – я сквозь сон услышала голоса – официанта и врача.

– Просто сильный шок. О ней уже позаботились, так что...

– Шок? – удивлённо переспросил парень. – Просто шок? – в его голосе явно слышалось недоверие.

– А вы, собственно, кем ей приходиться? – подозрительно спросил врач, разозлившись на то, что его перебили.

– Я её брат, – без тени сомнения ответил парень. – Сводный, – я беззвучно фыркнула.

– Когда ей стало плохо?

– Я не знаю. Она пришла ко мне часа два назад, минут десять всё было нормально, но потом она почти перестала двигаться.

– Тогда вы отвезёте её домой, когда проснётся. Могу я посмотреть ваши документы? – и они ушли. Я так и осталась лежать с полуоткрытыми глазами, но совсем скоро опять провалилась в сон, хотя знала, что мне пора ехать.

А когда я открыла глаза, на улице уже темнело. Я подскочила с кровати и обшарила глазами комнату.

– Куда ты так торопишься? – я вздрогнула и обернулась – в самом углу палаты на жёстком стуле сидел тот официант. Сейчас я могла нормально его рассмотреть, и поняла, что он был старше, чем показался с первого взгляда. Сначала я не могла понять, чем он отличается от других, но потом

с некоторым удивлением заметила, что волос его был пепельного цвета и прекрасно сочетался как с серыми глазами, так и с белым свитером. Кожа бледна, почти в контраст моей, хотя я никогда не была смуглой. «Будь он героем книги, точно стал бы вампиром», – подумала я.

– Домой, меня родители потеряют, – смущённо ответила я. Он пожал плечами и поднялся.

– Я Эрик, – парень подал мне сумку.

– Ива, – я кивнула и проследовала за ним по коридорам и на улицу, остановившись перед машиной.

– Я тебя сюда привёз. Да и до остановки идти по такой темноте... – он ждал, пока я сяду, чтобы закрыть дверь. Что же, выбора не оставалось... Я поправила переднее кресло и пристегнулась, достав телефон из сумки. Папа с мамой не звонили, значит, сами ещё не вернулись и не заметили моего отсутствия. Я заволновалась – уже шесть вечера, совсем скоро они будут дома, а первой – мама.

– Где ты живёшь? – спросил Эрик, повернув ко мне голову.

– Касл Хилл, – буркнула я, не желая называть номер дома. Эрик прикрепил телефон и включил навигатор – это не совсем внушало доверие, но чего я ещё ожидала – он не обязан знать все переулки города.

– Слушай, а... Что с тобой всё-таки случилось? – осторожно спросил Эрик. Я опасливо на него покосилась.

– Мне стало плохо, не выспалась, наверное. И спасибо, что

помогли мне... Эрик.

– Да пожалуйста, – он пожал плечами и на миг повернул голову ко мне. Я внезапно вспомнила настоящую причину своего состояния... Как будто молнией пронзило.

– Кольцо, – испуганно произнесла я, на секунду прикрыв глаза.

– Что?

– Вы не находили кольцо, когда... отнесли в меня машину... в смысле меня в машину? – я взволнованно перебирала руками волосы, стуча ногами по креслу. Эрика это ужасно отвлекало.

– Простите, Ива, мне было немного не до этого, – я увидела, как он ухмыльнулся.

– Но... – я перерыла уже всю сумку – перстня не было. – Мне нужно это кольцо!

– Ничем не могу помочь.

– Это вы виноваты! Зачем вообще было куда-то меня везти? – я разозлилась. Я ради этого ворона всю ночь не спала, а это кольцо вселяло хоть какую-то надежду на разгадку. А из-за этого Эрика всё напрасно!

– Ну знаешь, Ива, тебе было плохо, и...

– А кто вас просил меня куда-то уносить?

– Да успокойся ты! – он сам стал ускоряться всё чаще, и мы почти уже добрались до парка, который был рядом с моим домом.

– Останови машину, – процедила я, закипая. Он меня уже

раздражал – этот самовлюблённый деспотичный и...

– Где ты живёшь? – громко спросил он, перебивая мои мысли.

– Останови машину, я сказала! – я поднесла руку к двери. Эрик затормозил у обочины, тревожно вглядываясь в моё лицо.

– Всё нормально? – тихо спросил он.

– Нет! – с вызовом ответила я, хлопнув дверью со стороны улицы. Быстрым шагом направилась дворами к дому, не боясь, что со мной что-то случится – дом уже совсем близко, а на улицах – люди.

Могла ли я двадцать четыре часа назад подумать, что буду злиться из-за потери кольца, которое отдал мне ворон, когда я пришла на мост по его же наводкам? Конечно, нет. Если бы кто-то сказал мне об этом сутки назад, я бы подумала, что это глупая шутка. Дойдя до калитки, я услышала с другой стороны дома звук захлопывающейся двери машины. Скрипя снегом под ногами, быстро вбежала в дом, скидывая на ходу мокрую от снега куртку с шапкой. Повесила одежду на батарею и мигом поднялась в свою комнату на втором этаже, прикрыв дверь. Задыхаясь и кашляя, опустилась на кровать, достав книгу и пытаюсь успокоиться. Уже через минуту дверь тихо приоткрыла мама.

– Привет, – я улыбнулась, приподнявшись с кровати. Мама, снимая шарф, улыбнулась в ответ.

– Ты как здесь, не скучала?

– О, нет, скучать мне не удалось, – ответила я, и мама уловила здесь сарказм, которого на самом деле не было. – Ты с папой?

– Да, подхватила его у офиса. Сейчас будем ужинать, я заказала пиццу, – она многозначительно взглянула на меня – иногда, когда я оставалась одна, готовить ужин приходилось мне. – Ты какая-то раскрасневшаяся, – мама подошла к кровати и приложила руку к моему лбу. И как это можно заметить в темноте?

– Я просто спускалась на первый этаж, – в дверях показался папа, я помахала рукой. И раздался звонок в дверь – трель соловья слышно было по всему дому.

– Спускайся ужинать, – мама с папой ушли, а я, поднявшись с кровати и глядя в окно, жалела, что так стремительно покинула Эрика. Он мог мне помочь найти кольцо... А что, если ворон прилетит снова? А если это кольцо вообще было не для меня?

Ночью я засыпала с мыслью о том, чтобы завтра прийти в кафе и попросить Эрика о помощи. Но завтра суббота, и мама с папой будут дома... И я думала, что же мне им сказать, и куда идти, и даже снились мне угрюмые лица родителей и ворон. Его громкое карканье – и я проснулась. Села в кровати и поняла, что ворон мне не приснился. Он сидел с обратной стороны оконного стекла и громко кричал, привлекая моё внимание. В клюве – снова письмо, только в этот раз больше прошлого по размерам, официаль-

ное и с адресом. Я, опасливо покосившись на дверь, открыла окно. Птица гордо прыгнула на стол и выронила письмо, но не желала улетать. Я, улыбнувшись, окно закрыла, чтобы холод не захватил комнату. Пока открывала письмо, воронпил воду с моего стакана у кровати, сверкая на меня глазами. Совсем не боится! И мне это нравилось.

Конверт из чуть желтоватой, пергаментной бумаги. Запечатан сургучом с эмблемой непонятной птицы, держащей в клюве четырёхлистный клевер. И адрес написан: «Эдинбург, Касл Хилл, Ива Адлер» – алыми буквами. Я дрожащими руками распечатала письмо...

*Директор,
Кристиан Людвиг Ровенбах
Уважаемая мисс Адлер!*

Мы рады информировать Вас, что Вам предоставлено место в академии «Аристел».

Просьба прибыть в парк им. Вондела шестого числа сего месяца ровно в полдень. Иметь при себе:

- Перстень, присланный почтой Универсалов;*
- Одежду и личные вещи на учебный год (до 1 ноября);*
- Данное письмо;*
- Разрешение на обучение в академии от родителей или опекунов (шаблон для заполнения прилагается).*

Я нахмурилась и подошла к компьютеру, написав в поис-

ке: «Академия Аристел». Ничего не найдено. Вопросительно взглянула на ворона, будто он мог что-то ответить. Он играл с моей заколкой, не обращая больше ни на что внимания.

Я не знала, смогу ли теперь заснуть. Под подушкой лежало письмо, будильник заведён на восемь утра, а на шкафу, укрывшись собственным крылом, спит ворон, растения отбрасывают тени на занавески. А я думала не о странности событий, не о том, что подумают родители об этой академии, о которой даже нет информации. Я думала о том, как мне найти кольцо, как успеть в кафе, где оно, скорей всего, потерялось, как оттуда быстро доехать до парка, чтобы не опоздать к назначенному времени. Парк огромен – я понятия не имею, куда именно должна подойти, и кто меня там будет ждать, и подпишут ли родители разрешение на обучение, и отпустят ли утром в кафе... В мыслях была путаница, но в итоге я всё-таки заснула, ворочаясь в кровати и вызывая презрительный взгляд ворона.

Будильник прозвенел, и я на миг подумала, что всё это мне приснилось, но убедилась в правдивости событий, когда ворон спустился со шкафа на стол, видя, что я проснулась и встала.

– Ты останешься со мной? – тихо и удивлённо спросила я, улыбаясь. И мне показалось, что ворон едва заметно кивнул головой. Или не показалось?

Я встала, оделась и ушла в ванную – ворон перебрался ко мне на плечо, вцепившись в него когтями. Улыбка до ушей

не сходила с моего лица, я услышала топот родителей – они тоже проснулись. И мы одновременно с папой вошли в кухню – он поражённо уставился на моё плечо, замерев в дверях.

– Кто это?

– Ворон, – улыбка всё ещё не сходила с моего лица.

А за папой показалась мама: «Что за очередь?», и тоже остановилась, глядя на меня.

– Он прилетел ко мне ночью, – ответила я на их безмолвный вопрос. – У меня есть кое-что поважнее, – я поняла, как тяжело будет объяснять им все вчерашние события, и решила некоторые подробности опустить. – Мне пришло письмо из академии «Аристел». Там написано, что в этой академии предоставлено место для меня, и что я должна явиться сегодня в парк Вондела с разрешением на обучение от родителей, одеждой и личными вещами на учебный год, перстнем ворона и письмом.

– Перстнем? – мама вошла в кухню и внимательно меня слушала, не таращась больше на птицу.

– Да. И этот перстень я потеряла вчера в кафе. Поэтому сейчас собираюсь поехать туда, чтобы его поискать.

– Подожди, а что... что вообще за академия? – подал голос отец.

– Я не знаю, но хочу это выяснить. Письмо выглядит довольно официальным, да и ворон... настоящий.

– А ворон как-то связан со всем этим?

– Э... – я помялась. – Вообще-то, он принёс письмо.

– Принёс письмо? – родители снова уставились на птицу, а тот асинхронно моргнул и чуть наклонил голову. Глаза его отличались от глаз других, обычных воронов – они были не тёмными, а светло-кофейными, я называла этот цвет янтарным. Каким-то образом мама, не задав больше ни одного вопроса, отпустила меня. Я несколько секунд стояла, не веря её словам и своей удаче.

Родители, внимательно прочитав письмо, подписали решение – папа, размашистыми буквами с мягкими закорючками на пол-листа, и мама, строго и аккуратно, жёстко и красиво. В кафе они отправили меня одну, а в парк пообещали приехать, только не к полудню, а чуть позже.

А я подумала: «Интересно, почему письмо прислали сейчас, в декабре, а не в конце лета или хотя бы в начале учебного года?» И снова заглянула в письмо, уставившись на слова «личные вещи на учебный год (до 1 ноября)». Учебный год до первого ноября... Странно. Может, там учиться начинают в начале нового года, а не после лета?

Но особо задумываться и медлить некогда – я отправилась на остановку. Ворон всё также сидел у меня на плече, покачиваясь, и вызывал кучу взглядов и шепотков. Из-за холода пришлось закутаться в шарф и тёплое пальто, надеть перчатки и высокие сапоги. Когда я зашла в кафе, щёки были румяными, а руки, казалось, онемели. Ворон остался со стороны улицы, сидел где-то на выпирающей стене дома или крыши. И вот, напротив меня – Эрик, обслуживает какую-то моло-

дую пару. Я подошла ближе к нему, а в животе что-то рухнуло – я ужасно волновалась.

– Вы что-то хотели? – Эрик обернулся, услышав моё дыхание, а может, заметив меня краем глаза.

– Я... да, я, в общем-то... хотела попросить о помощи, – залепетала я, но быстро взяла себя в руки. – Вчера я оставила здесь перстень с вороном, и хотела бы его забрать, – Эрик меня узнал, кивнул головой, отошёл на минуту, что-то шепнул другому официанту, и пригласил меня за столик у самого окна. Я покачала головой:

– Я очень тороплюсь, простите...

– Садитесь, – Эрик настоял – подвинул стул, чтобы я села, а сам приземлился напротив. – Так ты всё-таки ищешь кольцо?

– Да, оно мне очень нужно. Ты его видел? – он покачал головой, и моё сердце ушло в пятки. Я хрипло переспросила:

– Нет?

– Нет. Никакого кольца не было, когда я пришёл сюда.

Правда, немного опоздал...

– Опоздал?! Ты опоздал, зная, что где-то здесь лежит кольцо, за которым я обязательно приду, и которое потерялось по твоей вине? – всё волнение исчезло, остался только гнев. Ну и что мне делать без перстня ворона?

– Знаешь, Ива, не моя вина, что тебе стало плохо, я обязан помогать своим клиентам, так что... – я резко поднялась из-за стола – так, что упала подставка с салфетками. Быст-

рым и гордым шагом направилась к стойке, цокая сапогами, и остановилась у высокого стола.

– Позовите администратора, пожалуйста, – грубо сказала я, чуть приподнявшись на цыпочках, хотя в этом не было необходимости. Девушка с ярко-розовыми волосами с улыбкой мне кивнула, эффектно развернулась на пятках на 360 градусов, и, притворившись, будто видит меня в первый раз, мило спросила:

– Я администратор этого кафе, приветствую вас. Чем могу помочь? – я стояла несколько секунд с открытым ртом, но в итоге ответила:

– Дело в том, что вчера один из ваших официантов отвёз меня в больницу, оставив здесь моё кольцо, и теперь мне очень нужно его найти, – с девушкой было спокойнее – она с первого взгляда казалось и милой, и добродушной, и отзывчивой.

– Как выглядит ваше кольцо? – всё так же спокойно спросила она.

– Перстень с головой ворона.

– Мы обязательно поищем, в ближайшие сутки никто не обращался с тем, что нашёл перстень.

– Мне нужно найти этот перстень до одиннадцати часов утра, – грозно сказала я. Администратор без слов кивнула и включила микрофон, прокашлявшись, тем же сладким голосом заговорила:

– Прошу внимания! – весь зал повернул головы к ней. –

Вчера днём был утерян перстень с головой ворона, и если кто-то находил его, убедительно прошу вернуть как можно скорее, – когда никакой реакции не последовало, девушка с загадочной улыбкой добавила: «За вознаграждение», и по залу пробежал шепоток.

– Я сделала всё, что могла, – сказала администратор, обращаясь уже ко мне и выключив микрофон. – Вы уверены, что потеряли кольцо здесь? – я неуверенно кивнула. Оно, могло, конечно, потеряться в дороге или в больнице, но это слишком маловероятно. А может, мне хотелось просто обвинить кого-то вместо того, чтобы гадать и обыскивать ещё и больницу. Пусть кафе отвечает за потерю.

– Можете оставить свой номер и пойти поискать кольцо в другом месте, – администратор наклонилась и подала мне свою визитку. Я кивнула, не в силах больше сопротивляться. Часы на стене позади стойки показывали одиннадцать часов. Если через сорок минут я не уеду на автобусе в парк, то точно опоздаю к полудню. Но не могу же я совсем его не искать...

– Пожалуйста, помоги, – я сама не заметила, как дрожащим голосом попросила об этом у Эрика, который теперь опять осторожно двигался между столиков.

– Понятия не имею, где оно. Поищу под столами и опрошу всех клиентов, но лично мне кажется, что его кто-то забрал, – он был равнодушен к этой моей проблеме, но тоже, как я заметила, старался успокоиться.

– Спасибо. Я должна уехать до половины двенадцатого, – я улыбнулась, стараясь снова не прорвать стену и не выплеснуть гнев.

И Эрик выполнил обещание – он пошарил под столами, притворяясь, что моет пол, под удивлённый взгляд администратора, спросил всех клиентов, находящихся в кафе, не видели ли они кольца с вороном. Но все попытки тщетны. Кольца мы не нашли.

– Ладно, всё равно спасибо. Что-нибудь придумаю, – я пожала руку Эрику. С его галантной помощью надела пальто и вышла на мороз, не слушая, что он там говорил про свой номер телефона и то, чтобы я ещё заходила в кафе. Про ворона я уже и забыла, а он спустился с крыши и снова сел мне на плечо. И снова вызвал десятки косых взглядов.

В автобусе полно народу, на улицах – куча машин. До парка я доехала за три минуты до полудня и остановилась у входа, думая, куда идти. Ворон величественно спорхнул с моего плеча, вцепившись на секунду когтями, и полетел вперёд, приземляясь на деревья и скамейки время от времени, следя, чтобы я следовала за ним. Мы двигались не к центру, куда пошла бы я, а в место, которое больше всего поросло деревьями, но которое сейчас было белым, как и всё, что меня окружало. На фоне снега выделялся только ворон. Я остановилась и взглянула на часы – без одной минуты двенадцать. Птица приземлилась на недействующий фонтан и тоже застыла в ожидании. Я поражалась, насколько ворон

умён, но это не было столь сверхъестественным. Что только не придумают в наши времена...

Я всем телом вздрогнула и испуганно повернулась, когда услышала голоса ещё семи людей, которые будто бы возникли из воздуха. Они замерли, когда увидели у фонтана меня и ворона. Самый смелый парень, который был меня старше на пару лет, заговорил:

– Ты новенькая? – я кивнула, рассматривая их. Теперь перестали пугаться и остальные. Голос подала девушка, которая тоже, скорей всего, была меня старше, с серьгой в одном ухе, дерзким голосом и вишнёвыми волосами до плеча:

– Я Ада. Это Лора, – девушка со смоляными волосами до самого пояса, с яркими аристократическими глазами, упорно смотрящими на что угодно, кроме людей, с которыми она пришла. – Дэвид, – высокий парень с дерзкой ухмылкой, который заговорил первым. – Луиза, – по-моему, она самая неприметная из всех, хоть и старается соответствовать своим друзьям. Высокая блондинка в туфлях на каблуке и в юбке (в такой мороз – и в такой одежде), смотрела на меня с вызывающим интересом. – Ханна, – в её взгляде читалось презрение. – Мир, – она показала на мальчика, как мне казалось, самого доброго – каштановый, набок зачёсанный волос и веснушки на щеках и на носу, а губы изгибаются не в презрительной усмешке, а в самой настоящей улыбке. На мальчика было небрежно и элегантно накинуто пальто, а сам он выглядел весёлым и с интересом меня рассматривал. Ада за-

молчала, не представив последнего участника компании, который молча стоял в стороне от всех остальных. Парень лет четырнадцати, и, судя по выражению лица, ему не нравилось всё происходящее здесь. Волосы цвета угля почти касались плеч, а бледная кожа была ему в контраст, глаза, как будто отречённые от мира, тонкие губы, на которых застыла саркастическая ухмылка. Я вопросительно на него посмотрела, и Ада презрительно ответила на мой немой вопрос: «Лис». Я удивлённо воззрилась на обоих – Лис? Неужели это его имя? Если так, то хуже и выбрать было нельзя – назвать черноволосого парня Лисом, не было никакого сходства. Он мельком взглянул мне в глаза и отвёл взгляд. Ада смотрела на меня, и я, наконец, догадалась, чего она ждёт. Отвечать ужасно не хотелось, а тем более – задавать им вопросы, но ничего не оставалось.

– Я Ива, – хмыкнули все, кроме Мира.

– Значит, новенькая? – голос у Луизы был ещё противнее, чем её вид. Я опять кивнула – ком застрял в горле.

– Какой инструмент? – я нахмурила брови.

– Что?

– На каком ты инструменте? – медленно, громко повторила Ада, будто для иностранца, не понимающего языка. Я продолжала молчать, чем и вызвала поражённые взгляды всех, даже Мира.

– Ты не знаешь свой инструмент? – я покачала головой, давая знать, чтобы ко мне больше не приставали.

– Ничего себе... – протянул Дэвид, и несколько человек засмеялись уже в открытую.

– А что это вообще? – спросила я, и тут же пожалела – столько смеха было в глазах людей. Даже Мир еле слышно фыркнул. И мне никто не ответил.

Внезапно из-за деревьев позади меня вышел парень лет двадцати пяти, в длинном расстёгнутом пальто, под которым виднелась белая рубашка. Русые волосы послушно лежали на голове, чистое лицо с правильными чертами, весёлая, почти детская улыбка, но мудрый взрослый взгляд, правая рука с дорогими часами на запястье опущена в карман. Остановившись, этот человек оглядел всех вокруг, подошёл к ворону и провёл рукой по его оперению, будто всё происходящее здесь его не касалось, и он забрёл сюда по чистой случайности. Но вскоре я услышала, наконец, голос этого загадочного.

– Приветствую всех новых и старых учеников, – произнёс он, лучась светом. «Неужели учитель?» – пронеслось у меня в голове. – Счастлив представиться – директор академии «Аристел», Кристиан Ровенбах, – с самой первой секунды его появления все замерли и замолчали, в том числе и я. Он вселял не страх, а спокойствие. – Надеюсь, мисс Адлер, вас приняли хорошо? – он мне любезно улыбнулся. Я дёрнула плечом, словно отгоняя назойливую муху. Не только учитель, но и директор... И знает, кто я такая.

– Мне нужно будет поговорить с вами наедине, так что попрошу пройти со мной после общего собрания, – он отвёл

от меня взгляд и посмотрел на всех по очереди. – Алиссандр Вольф, вы в этом году остаётесь на виолончели? Я помню, в прошлом году у вас были проблемы.

– Да, сэр, – единственные слова, что сказал Лис за время, что я его видела. Алиссандр... Забавно.

– Отлично. Мисс Адлер, вы уже определились с инструментом?

– С... с чем, простите? – я запаниковала, но директор оставался невозмутимым – снова улыбнулся и посмотрел на Аду.

– Итак... Ада Версаль – гитара, Ханна Дон – фортепиано, мистер Дэвид Кент – гитара, Луиза Фест – саксофон, Лора Уитли – скрипка, Мир Клайд – виолончель, Алиссандр Вольф – виолончель, Ива Адлер... – перечислив всех, профессор Ровенбах остановился на мне, а договорил только через пару секунд. – Пока не определено. Всё верно? – раздалось утвердительное бормотание. – Хорошо. Все взяли свои вещи?

Некоторые кивнули, а Ада и Дэвид уверили директора, что вещи им привезут через пару минут.

– Но сэр... мы отправляемся сегодня? – испуганно спросила я. Все взоры обратились ко мне, и лицо моё заалело.

– Разумеется, мисс Адлер. Я так понимаю, у вас с собой вещей нет?

– Нет, сэр. Я не... как-то не думала, что уже сегодня уеду из города. Да и ведь сейчас январь, почему...

– Дело в том, мисс Адлер, что в нашей академии учебный год начинается в январе, а именно десятого числа. Прошу, – он подал мне лист бумаги с аккуратной таблицей, затем почти такие же экземпляры отдал остальным.

График на учебный год

Месяц	Учебные дни	Дни отдыха
Январь	10-31	1-9
Февраль	1-28	-
Март	1-24	25-31
Апрель	4-30	1-3
Май	1-31	-
Июнь	1-15	16-30
Июль	1-31	-
Август	1-31	-
Сентябрь	1-30	-
Октябрь	1-31 (+экзамены)	-
Ноябрь	-	1-30
Декабрь	-	1-31

Странно, но мне почему-то хотелось смеяться, хотя надо бы плакать. За весь год получалось только девяносто дней каникул! И лето я проведу в школе... Я подняла голову и заметила, что директор всё время наблюдал за мной.

– Мисс Адлер, могу я попросить вас пройти со мной? – я кивнула и, положив лист в сумку, отправилась вслед за развешивающимся длинным пальто и его обладателем.

– Очевидно, мисс Адлер, у вас есть вопросы? – и, не дождавшись моего ответа, директор продолжил. – Мне очень

жаль, что не получилось вас предупредить и хоть сколько-нибудь подготовить к обучению в «Аристеле», вам придётся осваиваться по ходу. Академия «Аристел» – место, где вас научат управлять музыкальными инструментами и их силами. Вас определяют на один из факультетов – инструмент, на котором вам предстоит научиться не только играть, но и, как я уже сказал, пользоваться его силой.

– А что это значит, сэр – пользоваться силой инструмента?

– С его помощью управлять стихиями...

– Управлять стихиями?! – ошеломлённо переспросила я.

– Да, мисс Адлер, хотя это гораздо сложнее и, наверное, опаснее. Помимо этого, вы будете использовать и другую силу музыкального инструмента, на который вас определяют. Как вы уже поняли, их пять – скрипка, виолончель, гитара, фортепиано и саксофон.

– А как определяют инструмент? – я всё больше сомневалась в правдивости его рассказа. И больше всего меня, разумеется, поразило управление стихиями. Но может, эти слова обозначают что-то совсем простое и заурядное, вроде плавания в воде или копания тоннелей...

– Об этом вы узнаете совсем скоро. Сейчас я попрошу вас позвонить родителям и попросить их привезти вам ваши личные вещи и одежду, которые понадобятся вам на ближайший учебный год, до ноября.

– Я... буду жить в школе до самого ноября?

– Да. Вы сможете приехать домой в июне, но это, как бы сказать, крайне нежелательно.

– Для первокурсников?

– Вернее сказать – первокурсников, – похоже, профессор Ровенбах не обращал внимания на то, что я перестала обращаться к нему «сэр». Мы шли рядом по дорожке, ведущей неизвестно куда – я не была в этой части парка. Вокруг чистый снег, блестящий на ярком солнце, высокие деревья, голые и уснувшие.

В сердце зарождалось какое-то странное чувство. Чувство, что я очень близко к цели, которой добивалась несколько лет – стать особенной.

– А сколько лет обучаются в вашей школе, сэр?

В академии, – строго поправил он. – Обучаются пять лет, после этого нужно поступить на профильное образование, в старший корпус «Аристела», это... как университет или колледж. Некоторые специальности требуют обучения в самом департаменте МиСВПП...

– Чего? – перебила я.

– Департамент Музыки и Стихий, высшая профильная подготовка. Но об этом вы узнаете уже от куратора, и всё это, разумеется, после того, как вы прибудете в академию.

– А где находится академия, сэр?

– Рядом с морем. В нашей стране, не бойтесь, – просто ответил профессор. – Через два часа отправление, и поэтому, мисс Адлер, я прошу вас немедленно позвонить родителям

с просьбой привезти ваши личные вещи и одежду.

– Но... я не уверена, что меня отпустят так далеко...

– Зато я уверен, – загадочно ответил профессор Ровенбах, и я, под его пристальным взглядом ясных глаз, набрала номер матери.

– Мам, привет. Я... должна тебя попросить.

– Что случилось? – мама распознала тревогу в моём голосе.

– Я отбываю в академию «Аристел» через два часа, и... нужно, чтобы вы привезли мою сумку с одеждой и личными вещами.

– Через два часа? – заволновалась мама. – Но сейчас же январь! И чему вас будут обучать в академии?

– В академии учебный год начинается в январе, а заканчивается в ноябре. Я приеду не скоро, так что, пожалуйста, собери все мои вещи, которые могут понадобиться. Остальное потом.

– Школьная форма нужна? – спросила мама, кажется, входя в мою комнату. Я вопросительно поглядела на директора школы, который слышал разговор. Он отрицательно покачал головой. Я передала этот ответ маме, и она пообещала приехать в парк через полчаса. Я почти успокоилась, но директор снова заговорил, прерывая мои мысли.

– Вы не должны сообщать родителям о том, что в академии «Аристел» вас будут обучать использованию энергии инструментов и управлению стихиями.

– Почему?

– Потому что это конфиденциальная информация. Ваши родители не были универсалами.

– Кто это?

– Универсалы – люди, которые способны управлять стихиями и использовать силу инструментов. Ваши родители – не универсалы, и потому не должны знать о том, чем вы занимаетесь в академии, – он как будто объяснял несмышлёному ребёнку, сколько будет дважды два. Меня это начинало раздражать.

Выглядело не очень убедительно... Я теперь немного потеряла доверие к директору. После всего, что он мне наговорил. Будто прочитав мои мысли, профессор Ровенбах сказал:

– Мисс Адлер, в нашей школе обучается множество людей, так что вам совсем нечего бояться.

– Но *что* я скажу родителям?

– Скажите, что это академия для более... успешных и перспективных учеников. И что там, например, углублённо изучают...

– Музыку, – закончила я. Меня уже не волновало ничего – я была полностью поглощена в раздумья о неизвестной академии, о которой я даже не могу рассказать родителям. При других обстоятельствах я не посмела бы перебить директора, да ещё таким тоном.

– Ну, если ваши родители не будут против этого, можете сказать и так. Хотя поверьте мне, ваши родители согласят-

ся, даже если вы скажете, что вас будут обучать строительству домов или дайвингу. Наши существа... в смысле люди, об этом позаботились, – профессор улыбнулся, а я нахмурилась. Только хотела задать вопрос, но мне внезапно показалось, что я уже и так знаю все ответы. Что за... магия?

– Спасибо, сэр. Я подожду родителей у входа, – профессор Ровенбах кивнул.

– Когда будете готовы, приходите туда же, куда привёл вас ваш ворон, – пальто качалось на ветру, и директор уже развернулся, чтобы уйти к другим ученикам.

– Мой ворон? – я нахмурилась.

– Он ведь ясно показал, что хочет остаться с вами. Он помог вам достать кольцо, которое, конечно, пригодится вам во время определения инструмента и... – я ахнула и потупилась.

– Я потеряла кольцо, сэр, – виновато прошептала, не глядя на директора.

– Потеряли? – чётко переспросил он, качнув головой.

– Да, профессор. Понимаете, мне было плохо, и... меня доставили в больницу, а кольцо я оставила в кафе, и... – неразборчиво лепетала я.

– Что же, это ужасно, но не смертельно. Придётся мне лично найти его. Перстень ворона с янтарными глазами, если я не ошибаюсь?

– Да, сэр, – я, наконец, подняла на него глаза. – Спасибо.

– Но впредь попрошу вас быть осторожнее, мисс Адлер,

этот перстень очень важен, а учеников у меня в академии предостаточно.

– Да, профессор Ровенбах, – я смущённо улыбнулась, всё ещё красная от волнения, и направилась к входу в парк, пытаясь отыскать ворота.

Когда я вышла к центральному фонтану, найти дорогу уже не составляло труда, но с тех пор, как я рассталась с директором, прошло минут пятнадцать. Ещё столько же идти до главного входа.

Лучше вовремя сбежать, – говорил мне внутренний голос.

Мне предложили учиться в академии и управлять стихиями! – «отвечала» я, не прекращая идти.

Но ты об этой академии ничего не знаешь.

Я не единственный ученик.

Может, это всё подстроено, чтобы тебя заманить.

Да кому я нужна?

Об этом не беспокойся – найдётся, кому.

Ради одной меня присылать ворона, нескольких учеников и директора? Глупо.

Может быть. Но как тогда объяснить то, что нигде нет информации об «Аристеле»? И почему нельзя рассказать о нём родителям?

Мне ведь сказали – в «Аристеле» обучаются лишь так называемые универсалы, то есть люди, которые... способны научиться управлять инструментами.

Тебе просто нравится считать себя особенной.

Неправда! Так сказал директор.

Я, наверное, привыкла разговаривать сама с собой. Иногда, знаете ли, очень помогает. Нос ужасно замёрз, я вся «зарылась» в шарф. Не сказать, что день был очень холодным, разве что ветреным. И я просто устала. Устала от стольких сюрпризов... Совсем недавно жаловалась на скучную жизнь, а сейчас лучусь счастьем от предвкушения.

Родители подъехали почти сразу после того, как я вышла из парка. Мама подошла ко мне, как всегда прямо и с осторожной улыбкой, папа нёс сумку, по-моему, превышающую по размерам меня саму.

– Так когда ты уезжаешь? – спросила мама, пока мы вместе с ней шли по парку, а папа – на шаг позади, с сумкой, из которой я выложила некоторые вещи, оставив их в машине.

– Через час.

– И ты не рассказала, чему же вас всё-таки будут обучать в академии.

– Там программа усложнённая, для более перспективных учеников, а ещё углублённое изучение музыки, – сказала я отрепетированный текст.

– Музыка? – поразила мама.

– Именно так.

– А как с кольцом – ты его нашла?

– Нет, директор обещал найти.

– Он здесь? Директор за тобой приехал?

– Не только за мной. Но да, он здесь.

– Я хочу с ним познакомиться, – заявила мама, и папа поддакнул. – Мы вообще ничего не знаем о твоей академии, и всё же, как ты заметила, отпускаем тебя. Так что должны хотя бы директора увидеть! – маму было не переспорить, я это знала, даже если директор применит всё, что он знает. И даже если придут эти его существа, в смысле люди. И я повела маму к тому месту, где проходило собрание – по крайней мере, я пыталась.

На дереве крикнул ворон, и я побрела за ним. Только в этот раз он двигался незаметно – видела его только я, и я следила за его движениями. Он привёл нас к старому фонтану – там уже собрались другие ученики с родителями. Кроме тех, кого я уже видела, ещё четыре человека – два парня и две девушки. Два из них были, как я поняла, из компании Ады, они смеялись её нелепым шуткам, часто обращённым к Лису или ко мне, а также видели в ней лидера. Один мальчик лет десяти – Эрни Ронк, стоял в стороне, болтая не с этой «элитной компанией», а с Миром, он, как я поняла, расспрашивал Мира об Аристеле. И ещё одна девушка в стороне говорила с родителями.

– Это твои одноклассники... будущие? – спросила мама, как мне показалось, с презрением взирая на компанию Ады.

– Я не знаю, с кем из них буду в одном классе, но они тоже из «Аристела».

– А где же директор? – папа поставил сумку на землю

и огляделся. Я посмотрела вокруг – профессор Ровенбах стоял у дерева, привалившись к нему спиной, и поймал мой взгляд, усмехнувшись.

– Вон там, за деревом, – сказала я, идя вперёд, надеясь, что профессор родителям понравится.

– Профессор Ровенбах, это мои родители – Роза и Адриан Адлер, – сказала я, когда мы втроём поравнялись с директором.

– Очень приятно, – он кивнул и протянул руку отцу, стоящему впереди матери.

– Взаимно, – мама вышла вперёд, улыбнувшись под опасливым взглядом отца.

– Так значит, вы – директор... э... «Аристина»?

– «Аристела», – засмеялся директор. – Да, я Кристиан Ровенбах, директор Аристела и один из учителей.

– Чему обучают в вашей школе? – заговорил отец.

– В нашей *академии*, – профессор Ровенбах подчеркнул последнее слово. – Учатся более перспективные люди, нежели в обычной школе. Также в Аристеле углублённое изучение музыки, – директор посмотрел на меня.

– Какой именно отрасли музыки? – вмешалась мама.

– Инструментальной, – Кристиан снова прислонился к дереву.

– Да-да... И учеников будут обучать игре на каком-нибудь инструменте?

– Разумеется, – он сказал это слово так, будто это – вещь

понятная для каждого человека, и его отвлекают от важной работы, задавая глупые вопросы.

Отойдя на шаг влево, я услышала, как Полин разговаривает с родителями, и они говорят об изучении стихий, и о том, какая погода в тех краях, куда мы отправляемся... Значит, родители Полин знают, где и чему обучается их дочь! Алиссандр Вольф – единственный, кто не был занят разговорами – даже Лора весело смеялась рядом с мамой. Лис стоял в стороне, грустно глядя на всех остальных, и я никак не могла поймать его взгляд. Отходить сейчас было нельзя, директора и родителей лучше не оставлять, и я страшно пожалела, что привела их сюда.

Когда довольно оживлённый разговор мамы с папой и директора закончился, мы снова отошли к фонтану, куда приземлился ворон. Мама, посмотрев на него, спросила:

– Это не тот ворон, который был сегодня у тебя?

– Тот, – я с вялой улыбкой погладила птицу по голове. И теперь заметила на шее медную табличку, на которой было нацарапано: «Ливен». Вот я и узнала имя ворона, которое кто-то ему дал – но кто? Я посмотрела на директора – он оживлённо болтал с матерью Лоры, встав, наконец, прямо, отойдя от дерева, на которое постоянно прислонялся.

– Его зовут Ливен, – сказала я маме с папой, кивая на ворона.

– А это кто? – мама еле слышала – она смотрела на Алиссандра, что-то шепча папе.

– Это Лис... Алиссандр.

– Почему он один?

– Понятия не имею. Вы не собираетесь домой, мам? Мы скоро едем.

– Да-да, наверное, пора, – мама повернула ко мне голову. – На чём вы поедете?

– На автобусе, – уверенно сказала я, хотя понятия не имела, как мы будем добираться. Я вообще пока не верила, что мы направляемся туда, и весь год будем у моря... Я была на море лишь однажды, года четыре назад. И уже видела, как впервые подойду к ледяной воде, как буду мечтать, чтобы наступило лето и я смогла войти в солёную воду.

– Ладно, мы поехали. Меня ещё сестра просила заехать к ней... И Адриан с братом повидается, – мама и её сестра, моя тётя Ирен, часто виделись, как и папа со своим братом... и случилось это почти всегда одновременно. Дело в том, что когда-то моя мама привела Адриана знакомиться к своим родителям и старшей сестре, а он взял с собой своего брата, Джорджа. Так и получились вместо одной молодой семьи – две, и обе с фамилией Адлер. Папин брат и мамина сестра поженились через пару месяцев после свадьбы мамы и папы.

– Пока, – я обняла обоих с глубоким разочарованием – увидимся мы очень нескоро.

– Когда ты приедешь? – спросил отец. Именно этого вопроса я боялась больше всего.

– В июле, – тихо ответила я. Мама, уже сделавшая

несколько шагов к выходу, резко повернулась:

– Когда?!

– В академии «Аристел» учащихся на выходных не отпускают, тяжёлая программа. Я смогу приехать в июле, на каникулах. А закончится учебный год в ноябре.

– Это же так нескоро, – мама наклонилась и посмотрела мне в глаза, будто пытаюсь найти отблеск страха.

– Я знаю, но очень хочу учиться а «Аристеле». Я буду звонить, – я улыбнулась, пряча всё, что говорило мне обратное, всеми силами заглушала свой внутренний голос. Я не очень любила свою школу и надеялась, что хотя бы в неизвестной академии смогу стать счастливее, не превращая учебный год в пытку. Нет, учёба в моей школе не была для меня ужасной или сложной, она была слишком обычной. А я хотела приключений, чего-то особенного...

– Позвони, как доберёшься, – оба родителя ещё раз меня обняли, гораздо крепче, чем в первый раз, и быстрым шагом направились к выходу, не теряясь, в отличие от меня. Когда они уже скрылись за поворотом, я медленно направилась к Лису, держа в руке тяжёлую сумку.

– Э... Алиссандр? – пролепетала я, когда оставался только шаг до него. Он повернул голову, и чёрный волос закачался, падая ему на глаза. – Я... я Ива, – я замолчала, надеясь, что он хоть что-то скажет, но парень молчал. «Как бестактно!» – подумала я, а вслух произнесла совсем другое. – Я подумала... что, может, могу помочь чем-нибудь? Ты один, а я... –

на его лице не было и тени улыбки.

– Дело в том, что один мой родитель слишком занят, чтобы приехать, а матери у меня нет с тех пор, как мне исполнилось пять, – твёрдо ответил он, и я услышала намёк на то, что ни в какой помощи Алиссандр не нуждается. – И я Лис, а не Алиссандр.

– Да... Я просто хотела... – я ужасно пожалела, что вообще подошла к нему. Мне-то казалось, что с ним просто никто не хочет общаться, что он оскорблённый и немного замкнутый. А оказалось всё совсем не так.

– Извините, Ива, у меня дела, – Лис бесцеремонно отошёл от меня, резко схватив с земли сумку, будто оторвав её от снега, и остановился через несколько метров, присев на одну из полуразрушенных скамеек и открыв книгу. Только сейчас я заметила, что помимо сумки у него был футляр для виолончели, и меня это заинтересовало. Ясно было, что почти все здесь (подтянулись ещё несколько человек) не первогодки, и должны знать об Аристеле. Но к кому подойти? Я сделала несколько шагов в сторону Лоры – она уже не разговаривала с матерью, только стояла, прислонившись к фонтану и разглядывая окружающих.

– Э... Лора? – тихо спросила я, протянув руку. Девушка с лёгким испугом и смущением её пожала, кивнув. – Понимаешь, я... впервые в этой Академии, вообще ничего о ней не знаю, и подумала, что, может быть, ты... могла бы мне помочь? – я старалась быть как можно доброжелательнее.

– Да, конечно, я могу рассказать тебе что-нибудь. Что тебя интересует? – она говорила с улыбкой, но мне казалось, что Лоре не терпелось от меня отделаться. Объяснения и разговор со мной уж точно не доставлял ей удовольствия.

– Ну... чем вы вообще занимаетесь в академии? – Лора смотрела куда-то за моё левое плечо, но я решила не оборачиваться.

– В основном учимся играть на инструментах. Нас учат, что и как играть, чтобы управлять стихиями, поднимать предметы – всё это и многое другое с помощью музыки. Но до этого, честно говоря, ещё далеко. Пока – история, география, травоведение, игра на инструменте и теория музыки... И так далее, и тому подобное, – рассказывала она скупающим тоном.

– О... – я приоткрыла рот. – А как вы выбираете себе инструменты?

– Это можно назвать духом предмета, хотя... Скорее его защитник и твой компаньон. У каждого инструмента они разные. И вы выберите друг друга. Я играю на скрипке, Мир – на виолончели, – она снова посмотрела за моё плечо, и я поняла, на кого она заглядывается.

– Тебе нравится Мир? – я улыбнулась, ляпнула это, не подумав. Лора строго на меня посмотрела, хмыкнув, и отошла. Я снова осталась одна.

– Итак, дорогие ученики, прошу вас пройти за мной, – раздался громогласный, будто бы усиленный в несколько раз

голос Кристиана Ровенбаха. Я подошла ближе всех, встала самой первой в очереди.

– Сэр, а... как мы доберёмся? – тихо спросила я, пока все прощались и собирались.

– Поедем на автобусе, – так же тихо ответил директор. У меня перед глазами встала карта – расстояние от Глазго до ближайшей бухты.

– На автобусе?

– На автобусе мы доедем до одного из фьордов, – повторил директор и окинул взглядом всех учеников и их родителей, стоящих позади. Никого это не смутило, я вглядывалась в их лица, пытаясь заметить подвох.

– Уважаемые родители, вам придётся остаться здесь – дальше пройдут только ученики. По приезду в академию они смогут вам позвонить, я гарантирую вам безопасность, поэтому волноваться не о чем. Всего доброго! Дети, прошу за мной, – его голос правда успокаивал, а слова «Волноваться не о чем» прозвучали убедительно и утешительно. Я могла легко коснуться руки профессора Ровенбаха – шла справа от него, лишь на полшага позади. Мы вышли из парка, но куда-то, куда выйти никак не могли. Впереди – большой сад, и в самом конце живая изгородь, которая была зелёной. Сейчас зима, а изгородь зелёная... Впрочем, я уже привыкла к сюрпризам.

– Сэр, а почему... – поражённо начала я, но директор меня перебил:

– Итак, мы в саду Вечности. Он цветёт уже несколько веков, так что удивляться тут нечего, – «Да уж!» – подумала я, но промолчала. – Отсюда мы через пару минут попадём на дорогу, где нас будет ожидать автобус. Прошу оставаться на местах, – здесь были не только мои одноклассники, но и те, кто младше меня. Одному мальчику было, наверное, лет девять, а златовласой девочке не больше восьми. И всё же они, получается, первокурсники. Так почему я попала сюда в тринадцать? Вопросы оставались, и их было гораздо больше, чем ответов. Куда я вообще еду? Шотландия – но какой город, или хотя бы район? Я резко обернулась, когда услышала звуки виолончели – директор, чуть прикрыв глаза, играл перед живой изгородью. Мне казалось, что она становится прозрачнее, и, кажется, примерно так и было, потому что уже минуту директор просунул руку внутрь, и, махнув головой, прошёл сквозь изгородь, подняв инструмент и небрежно положив его в футляр. Те, кто были поменьше, удивлённо тараторили в место, откуда только что исчез профессор Ровенбах. И в этот раз не я, а Ада прошла первой, повелительно глядя на остальных, остановившись глазами на мне и презрительно хмыкнув. А за Адой и её компания, Лора рядом с Миром, потом я, а следом – остальные. Мы вышли на трассу – совершенно пустую, вокруг – деревья, покрытые снегом, а напротив меня стоит жёлтый, не слишком большой автобус. Автобус, на который приятно было смотреть, в котором хотелось ехать долго, а отличие от нашего городского

автобуса. Только бы внутри было тепло!

Директор всех пересчитал и махнул в сторону автобуса – мол, садитесь скорее. Я, входя после «Ады с компанией» и Лоры, выискивающей Мира, заметила, что изгородь снова стала обычной, твёрдой и непроходимой. Оказавшись в автобусе, я ахнула – он оказался гораздо больше, чем казался снаружи, а на сиденьях, удобнее, чем обычные автобусные, уже сидели человек сорок. И те, с кем я стояла у фонтана, и ещё половина незнакомых мне людей – наверное, из другого города.

Все кресла были парными – два с одной стороны, у одного окна, и два с другой, напротив. Один ряд – четыре кресла, рядов, наверное, не меньше пятнадцати. Теперь уже мест оставалось не так много. «Я должна найти себе пару», – дуратская мысль не уходила с головы. Я стояла посреди прохода, меня толкали те, кто находил знакомых и садился рядом с ними, ко мне уже стали поворачиваться головы. На моё плечо упала чья-то тёплая рука – я испуганно обернулась. Мир улыбался до ушей, глядя на мою растерянность.

– Ива, лучше проходи скорее, места ещё есть. На тебя смотрят, – сказал он, почти не шевеля губами, не стирая с лица улыбку. И прошёл в конец, сел на предпоследнее место у окна. Один. Я оглядела автобус в поисках Лоры, и поймала её гневный взгляд – она сидела на три ряда впереди Мира. Я, отводя глаза и быстро шагая, добираюсь до самого последнего места справа, пробираюсь к окну и поворачиваю голову

на улицу, подальше от любопытных взглядов.

Когда входит директор, остаётся только два свободных места – в самом начале автобуса для профессора Ровенбаха, и рядом со мной, неизвестно для кого. Вроде бы все уже вошли?

– Сэр, мы можем отъезжать? – спросил водитель.

– Нет, Пэт, ещё минутку. Мистер Вольф сейчас будет, – да, теперь ясно, для кого осталось место... Ко мне повернулся Мир – он сидел рядом со своим однокурсником из другого города, Колином.

– Лису придётся сесть к тебе, – тихо сказал он. Я кивнула. – Ты знаешь, что он... немного особенный?

– В смысле?

– Ну... Он любит одиночество и ненавидит, когда его достают, в этом ты убедилась. А ещё он всегда сидит у окна.

– Я тоже люблю сидеть у окна, – с нажимом ответила я. Мир усмехнулся и отвернулся. Не прошло и двух минут, как вошёл Лис. В автобусе воцарилась тишина – все смотрели на него. Лис пробежал глазами весь автобус и нахмурился, не найдя свободных мест.

– Сэр, свободных мест нет, – обратился он к директору.

– В самом конце автобуса, – ответил профессор Ровенбах, даже не подняв голову. Лис прошёл вперёд и стал улыбаться, подумав, что там никого нет, но улыбка быстро слетела с его лица, когда он увидел меня. Я решительно отвернулась к окну.

– Я всегда нахожусь возле окна, – тихо и твёрдо сказал Лис.

– Я тоже, – я посмотрела ему в глаза и снова отвернулась. – Нужно было приходиться раньше.

– Я не мог, – он продолжал стоять.

– Мистер Вольф, прошу вас сесть на место, – громко сказал директор, и все снова повернули головы в нашу сторону. Глубоко вздохнув, Лис сел. Перечить директору никто не смел.

– Те, кто уже не первый год учится в «Аристеле» знают, что поездка эта будет долгой, но не слишком утомительной. Сегодня шестое января, а в академии мы будем лишь утром восьмого, за два дня до начала занятий, – я ахнула. Двое суток езды на автобусе? – Виной тому не большое расстояние, а скорее трудности с перевозкой детей. Например, вы можете заметить, что сейчас вокруг нет ни одной машины – это не случайность. Заранее прошу прощения за неудобства, если таковые имеются. Места, которые вы сейчас заняли, будут являться вашими до конца поездки, изменить их вы не можете. Если будут вопросы или проблемы – обращайтесь ко мне, – я задумалась. Интересно, как мы будем спать, питаться, отходить куда-то, в конце концов?

Автобус тронулся, и звенящая тишина исчезла. Повсюду раздавались голоса – очень редко соседи по месту были незнакомы, в основном это были друзья. Рассказывали друг другу о каникулах, о событиях, которыми они не могли по-

делиться в дни разлуки... Я читала или писала, слушала музыку в наушниках и просто глядела в окно. Пока там была просто трасса и лес вокруг – пустой и безлиственный. Александр был расстроен. Он тоже читал и слушал музыку, что-то записывал в планшете – кажется, это были его рассказы. Пока он был в наушниках и печатал, я читала его тексты, чего Лис не замечал. Но когда он, наконец, повернул голову, то чуть не наткнулся на мой нос. Я резко отстранилась.

– Что ты делаешь? – брови Лиса опустились, а руки замерли.

– Читайте, – как ни в чём не бывало ответила я.

– Это мои рассказы.

– Я заметила.

– И я не разрешал их читать, – сказал Лис, и я хмыкнула, отвернувшись к окну и прислонив голову к прохладному стеклу, что каким-то чудом не запотело. Меня коснулось что-то холодное, и я повернула голову. На моих ладонях лежал планшет Лиса. Я вопросительно посмотрела на него.

– Читай, если хочешь, – на его лице не было и тени улыбки, и всё же мне показалось, что голос стал теплее. Я улыбнулась.

На закате автобус остановился у какого-то маленького кафе. Директор вышел первым, а за ним – остальные. Я поужинала и отдохнула, бегая по сухой траве, не покрытой снегом, кружась под мокрым снегом, падающим с неба. В автобусе громко играла музыка, под которую хотелось танцевать, чем

все и занимались, не стесняясь. Я давно не была так счастлива... Закутавшись в плед, который кинул мне на плечи директор, я высовывала язык, пробуя снег. Дорога была совершенно пуста, и профессор Ровенбах быстрее учеников вышел в центр, шагая в такт музыке. Сейчас он казался не больше, чем обычным учеником, и я была уверена, что если бы увидела его сейчас впервые, ни за что бы не поверила, что он – директор академии.

Музыка заражала, и танцевала, и бегала даже Ада и её друзья. В стороне был лишь Лис... Он прислонился к автобусу, сидя на ступени и кусая тёмное яблоко. Я подошла к нему, не переставая улыбаться.

– Почему ты один? – он пожал плечами. – Пойдём со мной, – я думала, что он откажется. Лис с самого начала показал, что я ему не нравлюсь, и сейчас я подошла лишь благодаря своему сияющему настроению... Но он не отказался. Поднялся, сунув яблоко в карман, и встал рядом со мной. Я на секунду застыла, но, замечая, какой самодовольный вид у Алиссандра, взяла его за руку и побежала на дорогу, по хрустящей траве. Сначала, с первыми нотами следующей песни, мы стояли, смотря друг на друга и на толпу вокруг, уже начавшую двигаться в новый ритм. И я покружилась вокруг оси, смеясь.

Это сложно было назвать парным танцем – мы почти не касались друг друга. Лис поднимал руку, и я поднимала – он еле-еле задевал мои пальцы своей холодной рукой, и я

кружилась вокруг себя, как в вальсе. Я обходила его вокруг и отклонялась назад, протянув руку, но снова лишь чуть задевала пальцы Алиссандра. И мне, и ему было хорошо, но я знала, что это не потому, что мы вместе. Причина веселья – музыка, чувство свободы, снежинки, падающие на голову, от которых мои волосы становятся ещё курчавее, лес вокруг, пустая дорога... И ворон, опустившийся мне на плечо. Лис удивлённо посмотрел на птицу.

– Это Ливен, он принёс мне письмо, – сказала я, и тоже чуть приоткрыла рот, когда на плечо Лиса приземлилась белоснежная чайка.

– А её зовут Лира, – на лице Лиса мелькнула улыбка. – Она приносила письма мне.

– Когда? – я думала, что Лис второкурсник, как минимум, так что понятия не имела, зачем ему приносить письмо.

– Позавчера.

– Но... Ты разве ещё не был в Аристеле?

– Был, но только на подготовительных курсах. Моя мама тоже универсал, поэтому отдала меня раньше. А в этом году я стану первокурсником, – «Впервые сказал больше пяти слов за раз», – подумала я.

Я осмотрелась вокруг – почти ко всем прилетели птицы. Даже издали было понятно, что все птицы различаются. Были и вороны, как у меня, и чайки, как у Лиса, но все они были разными. Я не знаю, в чём заключалось главное отличие...

Музыка стала спокойнее, и директор поманил всех в автобус. Птицы так и остались сидеть на плечах своих людей, а директор смотрел спокойно, как человек, для которого всё это – повседневные события. Я же не могла скрыть восторга. Когда человек оказывался в автобусе, птица спрыгивала с плеча и улетала за кресла, где были маленькие искусственные поваленные деревья, жерди и кормушки. Лис вошёл в автобус раньше меня и сейчас стоял у кресел, ждал, пока я приду, чтобы потом не вставать, пропуская меня. Я улыбнулась, махнув ему головой в сторону окна. Лис постоял секунду и быстро пролез вперёд, пряча улыбку. Я поймала взгляд и улыбку Мира, когда он подошёл к своему месту. На меня теперь многие странно смотрели, и я не до конца поняла, из-за чего именно.

Я смотрела в окно и хорошо видела всё, пока не потемнело. В автобусе загорелся свет, и опустились шторы на окнах. Я читала рассказы Лиса на его планшете, а он пытался разобрать мои каракули в толстой тетради. Вечер пролетел почти незаметно – по крайней мере, для меня. Часов в десять мы остановились у кафе и на полчаса вышли в темноту, нарушаемую лишь двумя фонарями и светом фар.

Когда мы вновь поднялись в автобус, я остановилась посреди прохода, зрачки постепенно расширялись, а глаза прищуривались от удивления. Вместо тех кресел, которые стояли здесь весь день, на полу лежали десятки огромных подушек – чуть больше меня по длине и не меньше метра в шири-

ну. Такие подушки были раскиданы по всему автобусу, а директор у входа выдавал каждому одеяло.

– Сэр, а куда... делись кресла? – тихо спросила я, забирая одеяло.

– Этот автобус... не совсем обычный. Кресла свернулись и, как бы по-вашему... ушли в пол, – он улыбнулся. – Спокойной ночи, мисс Адлер.

Я прошла в конец – туда, где было моё кресло. Птицы сидели на жердях и деревьях, затихнув и тоже засыпая. Подушки были разложены не беспорядочно, а по четыре штуки в ряд, так же, как стояли кресла. Я заметила, что директор, как только все ученики расселись, вышел из автобуса. Я посмотрела в заднее окно и нахмурилась – ещё несколько почти таких же автобусов стояли позади нашего, и директор заходил в каждый, что-то объявлял и снова выходил. Свет не выключали, и никто, кроме меня, не смотрел в заднее окно и не удивлялся тому, что наш автобус – не единственный.

– Да, есть и другие автобусы, – сказал Лис, видя, что я поднимаюсь с подушки. Я повернулась к нему.

– Но почему их не было раньше?

– Отстали, наверное. А может, это автобусы с детьми из маленьких городов и деревень, ехали по другим путям и только сейчас выехали на нашу трассу. В любом случае, детей в Аристеле достаточно, уж точно не пятьдесят.

– А сколько?

– Много, – Лис улыбнулся, кивнув. – Да-да, – и повернул-

ся к выходу – профессор Ровенбах снова вошёл в наш автобус.

– Всё, ночной обход я совершил, пора спать, – он тоже опустился на подушку и дёрнул за цепочку, что находилась возле его места. Свет потух, остались только фары нашего автобуса и тех, кто позади.

Директор встал на коленки и шепнул что-то водителю, тот ответил громче: «Они поедут за нами?» Профессор Ровенбах кивнул, автобус загудел и поехал.

Нас чуть покачивало, будто в поезде, подушки не наезжали друг на друга и никто никому не мешал. Я, спустя некоторое время, заснула – счастливая и в предвкушении. И даже не заметила, когда именно прошёл мой кашель, насморк и хрип в горле, но точно знала, что раньше, чем автобус выехал из Амстердама. Проснулась я сначала совсем тёмной ночью, потому что свет резко включили. Я поднялась, что-то сонно бубня. Лис даже не поднялся, раздражённо вздохнув.

– Что случилось? – прошептала я ему.

– Да просто ещё один ночной обход. Свет могли и не включать... – он снова закрыл глаза.

Утром я проснулась оттого, что Лис толкал меня в бок.

– Ты что, глухая? Все уже ушли, – я разлепила глаза, села и огляделась – вокруг никого не было, автобус совершенно пустой.

– А где все? – я подскочила.

– Да успокойся, в кафе ушли. У нас длительная остановка.

Мне сказали тебя разбудить. Не знаю, как ты не проснулась, все такие шумные...

– Пошли, – я вперёд Лиса прошла вперёд и, накинув куртку, спустилась по ступенькам. Мы стояли теперь возле большого кафе, откуда доносился смех и музыка.

– Кто играет? – сонно улыбнулась я, разблокировав телефон – девять утра.

– Не узнаёшь? Наши, – Лис обогнал меня и открыл дверь.

– Ученики? – удивилась я, но ответа не требовалось – мы уже стояли в кафе, и музыка стала чуть тише.

– Мисс Адлер, – директор подошёл, легко проплыв между столами. – Доброе утро. Что желаете на завтрак?

– Доброе утро, сэр. Мне просто гренок и чай, пожалуйста, – я постаралась не зевнуть. Профессор Ровенбах провёл меня почти в центр кафе, посадил рядом с собой и пошёл за заказом. Я отыскала глазами Лиса – он сидел на своей сумке, прислонившись к стене, у самых дверей, хмурый и печальный. Я незаметно подошла к нему, постоянно оглядываясь.

– Пошли со мной, – я потянула его за собой, но Лис вырвался.

– Нет.

– Почему?

– Не хочу, – я пару секунд внимательно на него смотрела, пытаюсь понять причину, но в итоге, хмыкнув, ушла обратно к своему столу, где уже стоял горячий сладкий чай. По-

что все ученики, за исключением первокурсников, держали в руках инструменты: гитары, скрипки, виолончели, саксофоны, небольшие копии синтезаторов. Сделав один глоток, я повернулась к двери – Лис тоже тихо наигрывал, прикрыв глаза. Виолончель он держал осторожно, будто маленького ребёнка, и играл не хуже остальных, и уж точно лучше второкурсников. Меня так и тянуло взять в руки какой-нибудь инструмент и заиграть, чтобы волшебные, чарующие мелодии лились из-под пальцев или летели вместе с дыханием, но оставалось только слушать.

– Какой инструмент вам нравится больше всего? – прошептал мне в ухо директор, перестав играть и иногда помахивать руками, направляя остальных.

– Э... – я осмотрелась, и мой взгляд вновь остановился на смычке, что держал в руках Лис, медленно водя им по струнам. – Виолончель.

– Это из-за мистера Вольфа? Помните, мисс Адлер, от вашего выбора зависит многое, – он посмотрел мне в глаза. А я прислушалась к музыке и различила среди всех инструментов мелодию виолончели. И уверенно кивнула.

– Не из-за Лиса. Мне просто нравится виолончель.

– Хорошо, – директор распрямился и улыбнулся. – Ваш перстень ворона, прошу больше не терять, – и он протянул мне кольцо. То кольцо, которое я потеряла в кафе, в Глазго, позавчера!

– Но сэ́р, как вы...

– Музыка, моя дорогая мисс Адлер. Как только мы приедем, кто-нибудь сопроводит вас в музыкальную лавку, где вы приобретёте виолончель...

– Но сэр, у меня не хватает денег!

– Они не нужны. Вам стоит лишь показать кольцо и выбрать инструмент. Может быть, это окажется не виолончель.

– Это будет виолончель.

– Вы меня не поняли. Я сказал, что это может оказаться не виолончель, мисс Адлер. И это зависит не только от вас, – я приоткрыла рот, вспомнив слова Лоры о том, что предмет выбирает компаньон. Неужели ворон?

Мы провели в кафе не больше часа, а затем вернулись в автобус, который снова одиноко стоял, мигая фарами, с открытыми дверями, поджидающий нас.

– А куда опять делись другие автобусы? – спросила я, догоняя Лиса.

– Не знаю, – резко ответил он, входя в автобус, где снова стояли кресла вместо подушек, а одеяла были убраны. Многих птиц не было, но вместе с последними учениками залетели и они. Я пролезла к окну, опередив Лиса. Он остановился рядом со мной, будто желая что-то сказать, но всё-таки молча сел и достал планшет со своими рассказами.

Мы тронулись и не останавливались часов пять, пока солнце не поднялось до самой середины неба. И остановились мы не возле кафе, а в поле. Вокруг – горы и водопады, а в сотне метрах от автобуса, на траве, сидят у огня люди,

и аромат долетает к нам оттуда. Директор быстрым шагом направился в сторону костра, и весело, дружелюбно заговорил:

– Вот мы и приехали. Остальные автобусы будут позже, так что пока дайте, пожалуйста, пятьдесят порций, – девушка лет тридцати и парень чуть старше её (кажется, они были мужем и женой), стали проходить мимо учеников, раздавая нам горячие хот-доги, омлеты и напитки. Мы сидели на одеялах и обедали, почти не разговаривая, лишь профессор Ровенбах оживлённо болтал с парой, готовящей еду, горячо выражая благодарность. Я глазами нашла Лиса – он, как всегда, сидел один, отстранённый от остальных и близко к огню – наверное, замёрз. С его-то пылким нравом?..

Мир перебрасывался фразочками со своим другом, а издалека за ними наблюдали Лора с Полли. Да, Лоре определённо нравился Мир. А Полли, наверное, его друг, Колин.

Может, меня теперь тоже, как Лиса, считали отчуждённой. Я сидела одна, но, в отличии от Вольфа, в кругу учеников, слушая некоторые разговоры и разглядывая всех вокруг.

И снова длинная поездка, от которой я уже устала и чаще всего смотрела в окно, подперев голову. Первые сутки прошли прекрасно, но теперь мне просто надоело.

– Ну, как тебе путешествуется? – ко мне с улыбкой до ушей повернулся Мир, встав на коленки. Мне показалось, что было в его взгляде что-то особенное. Точно не влюблён-

ность, но какая-то братская привязанность, удивление и лёгкая грусть.

– Теперь уже скучно, – я заметила, как Лис наострил уши. – А тебе?

– Почти поддерживаю тебя. Можно мне взять твою книгу, пожалуйста? – он махнул головой на ту книгу, которую я уже дочитала.

– Да, конечно, – я подняла и подала ему книжку. – А у тебя есть? – Мир на секунду исчез и снова вытянул голову, протягивая мне небольшую книгу в мягкой обложке. Я кивнула в знак благодарности.

– Слушай, а на каком ты курсе учишься? – спросила я, заметив, что Мир не отвернулся. И поймала взгляд Лоры, перешёптывающейся с подругой.

– Сейчас буду на первом. Я год учился на подготовительных курсах, мои родители универсалы. Ты скоро сама многое узнаешь, уже послезавтра первый день учёбы, а завтра утром мы приедем, и ты сможешь приобрести инструмент. Примерно уже знаешь, какой хочешь?

– Виолончель, – ответила я, и Лис усмехнулся. Я раздражённо повернула к нему голову. – Что смешного? – Мир тоже повернул голову к Лису.

– Ничего, – он окинул нас презрительным взглядом и снова уткнулся в планшет. Мир отвернулся, и я начала читать, а через минуту со стороны окна, между стеной и креслом, увидела руку Мира, протягивающую мне записку. Лис был

погружён в рассказ и слушал музыку. Я выхватила записку из руки Мира.

«Ты ему нравишься, Лису Вольфу», – гласил корявый почерк. На обороте я написала: «Он меня ненавидит», – места на записке больше не оставалось. Ещё через минуту Мир дал мне новую: «Он почти никогда ни с кем не разговаривал, кроме тебя. И тем более, не танцевал». Я долго думала, что ответить. Сумела нацарапать: «Мир, я уверена, что это ничего не значит. Мы друг другу не нравимся вообще. По крайней мере, мне он – точно. Самовлюблённый и вспыльчивый эгоист, который ничего никогда не объясняет... Мы друг другу не подходим», – ничего уже не помещалось, но я кое-как втиснула ещё предложение: «А ты в курсе, что нравишься Лоре?» Мир не отвечал минут пять, и я уже подумала, что новой записки не будет, но он ответил: «Да, я знаю, что нравлюсь Лоре, это уже давно. Но она не для меня. И не говори ей, пожалуйста. Пусть надеется, если ей так нравится. А насчёт Лиса я бы на твоём месте подумал». «Ладно, Лоре я не скажу, хоть мне и кажется, что это подло. А насчёт Лиса и думать нечего».

Больше писем не было. Лис ко мне даже не поворачивался, только косо поглядывал на мою тетрадь с рассказами. Наверное, хотел прочитать.

Я подзывала к себе ворона и глядела в окно, представляя, каким окажется Аристел и поглаживая его смоляную голову. Может, академия окажется совсем обычной – как

общеобразовательная школа. Какое-нибудь кирпичное здание, окружённое забором, находящееся где-нибудь недалеко от центра города... Осло? А может быть, Аристел окажется огромным замком с тысячами тайных проходов, ловушками, которые придётся обходить и запоминать... Какие там будут учителя? Будут ли они такие же обаятельные и современные, как профессор Ровенбах? Или, может, они будут похожи на мою классную руководительницу – мисс Кроквиш, строгую и непонимающую, требующую зубрёжки и постоянно задающую миллионы страниц домашней работы? А смогу ли я найти друзей? Как мне сообщить Дине, моей подруге из школы, что я нахожусь за несколько тысяч километров от неё, и буду здесь ещё долго? Пока нормально общается со мной только Мир... Остальные или игнорируют, или смеются надо мной, или раздражаются и косо смотрят.

За этот день мы останавливались три раза, минут на тридцать, лишь на закате директор позволил подольше побродить у кафе, размяться. Только мне это не было нужно, я хотела поскорее приехать в академию. Одиннадцать автобусов стояли позади нашего, так же мигая фарами, но других учеников я не видела. Как же их всё-таки много... И, если Лис говорил правду, учиться будет ещё больше.

Этот день показался мне гораздо дольше, чем вчерашний, мы не веселились у дороги на закате. Директор объяснил это как «небольшие проблемы с передвижением», и в этот раз все обратили внимание на другие автобусы, что следовали

за нашим. Пассажиры нашего автобуса стали тихо перешёптываться. А какая-то девочка, что сидела почти рядом с директором, спросила его об этом.

– Разумеется, вы – не единственные ученики академии. У нас учится довольно много людей, так что ничего удивительного...

– Но почему эти автобусы появились только сейчас? – спросил белобрысый мальчик, который сидел на третьем ряду.

– Шесть автобусов ехали за нами ещё вчера, но их, судя по всему, заметила лишь мисс Адлер, – все повернули ко мне головы. Лис оторвался от планшета и усмехнулся. – И эти одиннадцать автобусов с учениками – ещё не всё. В нашей академии обучается гораздо больше людей.

Хотела бы я сесть рядом с Миром и поговорить с ним об Аристеле... Он ведь многое знает, всё-таки проучился год. Меня поддерживала мысль, что уже завтра я смогу увидеть всё своими глазами. Ведь даже чушь, увиденная собственными глазами, уже не чушь, а гипотеза. Пока ещё за окном было светло, я смотрела на меняющуюся природу, которая так отличалась от нашего города. Всё произошло слишком быстро...

Перед отходом ко сну мы остановились рядом с маленькой лавкой, и вот тогда действительно было весело. Чарующая девушка лет двадцати вышла и нежно улыбнулась директору, а тот поклонился, поцеловав ей руку. Увидев, что

за ним наблюдают все ученики, вышедшие из автобуса, профессор Ровенбах засмеялся и, взяв мисс Ретт за руку, увёл её в кафе неподалёку, приказав нам заходить в лавку и отдыхать. Мы так и сделали, и сейчас уже играла ритмичная музыка и мы стали свидетелями забавной сцены, а когда мы уснём, закончатся последние часы поездки, и проснёмся мы уже у академии «Аристел», хотелось веселиться и танцевать. Я весело болтала с Миром и его другом, обсуждая директора и «его девушку», которая так приглянулась всем нам и уж точно очаровала директора. Светлый волос, ровно подстриженный до подбородка, высокий рост и чёткие черты лица делали её как будто строгой, серьёзной дамой, но на самом деле она была совсем другой – весёлой, забавной, доброй. Такой была мисс Ретт.

Когда пара вернулась, мы хихикали, потягивая из стаканов сок или чай. Мисс Ретт нас передразнивала, насмешливо смеясь в кулак и поглядывая на нас. Мы захохотали ещё громче.

– Так, дети, пора идти, – мисс Ретт стала выталкивать нас из кафе. Я, выходя последней, перед директором, специально задержалась и услышала, как профессор Ровенбах шепнул: «Завтра я приеду за вами». Он, чуть не наткнувшись на меня, раздражённо толкнул меня вперёд и оскалился, фыркнув, а я побежала к Миру, чтобы рассказать ему о пяти словах, которые могли его заинтересовать.

– Слушай, подсаживайся ко мне, – тихо шепнул Мир, ко-

гда мы стояли в очереди у автобуса. Я еле заметно кивнула и шепнула: «Если получится». Когда мы вошли, никто уже не удивился, что вместо кресел на полу в ряд лежали большие подушки, правда, немного более небрежно, чем вчера, сложно было найти именно своё место. Я присела возле Мира, воровато оглянувшись. Лис несколько секунд смотрел на меня, внимательно оглядывал, будто ища подвоха, но, сделав странную гримасу, опустил на свою подушку, а рядом с ним по просьбе Мира приземлился его однокурсник Колин. Я оказалась у стены, справа от меня – Мир, сзади – Колин, а рядом с ним уже спрятался под одеялом, словно зверёк, Алиссандр Вольф.

– Доброй ночи. Уже завтра утром, около одиннадцати часов, мы окажемся в академии, и вы сможете насладиться его видами и гостеприимностью, – профессор Ровенбах пробежал глазами по всем лицам, и его взгляд остановился на мне, скользнул на Мира и снова вернулся ко мне. Я была уверена, что он сейчас сделает мне замечание, и приготовилась уже гореть со стыда, оправдываясь, но директор лишь едва заметно улыбнулся и обвёл глазами остальных, в том числе и притворяющегося спящим Лиса. Профессор Ровенбах выключил свет, а автобус уже ехал по трассе, гудя и покачиваясь.

– В академии сначала очень тяжело – но нужно свыкнуться со всем, тогда станет хорошо. Я знаю, что в первое время тебе будет тяжело, и это естественно. Очень мало людей,

которым в первые недели Аристел нравился. Но потом ты его полюбишь, это точно, – еле слышно рассказывал Мир. За шумом автобуса, сопением людей и птиц, за успокаивающей тихой мелодией, раздающейся из динамиков, никто, кроме меня, не слышал шёпота Мира.

– А почему сложно? – я говорила совсем не то, что хотела знать на самом деле – об учителях или о том, как выглядит академия. Я хотела увидеть это собственными глазами завтра.

– Не знаю. Непривычно, сложнее, чем в обычной школе. Например, травоведение...

– Что?

– Травоведение. Мы изучаем травы, их свойства, готовим отвары. Этот предмет достаточно сложный, там нужно многое учить и быть внимательным при приготовлении отваров, иначе будут не отвары, а отравы, – я беззвучно хихикнула. – Ещё мне кажется, что математика у нас сложнее, чем в школе. Изучение латыни, архитектура, ИС...

– А это что?

– Изучение существ. Иногда это безумно интересно, а иногда ужасающе скучно. Зато нет физической культуры, никогда её не любил.

– Почему?

– Вместо неё два других предмета. Может, даже сложнее физкультуры.

– Каких?

– Скоро узнаешь, – Мир хитро улыбнулся. – Давай уже спать, иначе завтра будешь ходить, как сонная муха, – я кивнула и во тьме улыбнулась.

Дыхание Мира уже успокоилось, а вот Лис неправдоподобно медленно дышал, когда директор проходил мимо. Похоже, я здесь не единственная, кто не спит. Я перевернулась на живот и смотрела в упор на Лиса, пока он не повернул голову ко мне, почувствовав взгляд.

– Что ты делаешь? – спросил он одними губами, почти не издавая звуков.

– Слежу за тобой, – весело ответила я, отвернулась и заснула.

Мне показалось, что прошло лишь несколько секунд с тех пор, как я закрыла глаза, и вот уже Мир толкает меня в бок, заставляя проснуться. Тогда я заметила, что солнце уже давно поднялось, и прошло часов восемь, не меньше. Стрелки часов показывали половину десятого. Автобус стоял, и ученики одни за другими выходили, спускаясь по ступенькам. Я посмотрела назад – остальных автобусов не видно. Я встала, потянулась и сонно направилась к выходу, а Мир бодро скакал сзади.

– Я же говорил, что надо было раньше засыпать, а не ворочаться, – засмеялся Мир, когда я чуть не упала со ступенек. Директор меня остановил, преградив путь рукой.

– Мисс Адлер, можно вас? – я боязливо кивнула. – А вы, мистер Клайд, идите завтракать. Ива вас догонит, – Мир

оглянулся на меня и догнал Колина, а я отошла в сторону с Ровенбахом.

– Вы нарушили правило, поменяв своё место.

– Простите, сэр. Я просто...

– Меняете друзей, как перчатки? – директор осуждающе покачал головой.

– Нет, что вы?! Мне просто нужно было поговорить с Миром.

– А Алиссандр?

– Мы с ним почти не разговаривали. Он меня вообще игнорирует, да мне, впрочем, его внимание и не нужно.

– Ладно, оставим этот разговор. Через полтора часа мы будем в Аристеле и вам покажут, где приобрести инструменты и другие предметы, которые будут необходимы в учёбе. В остальное сами войдёте, учёба начинается уже послезавтра.

– Да, сэр.

– Если вопросов больше нет, можете идти, – у меня были вопросы, и их было достаточно много, но я, помешкавшись пару секунд, направилась в кафе. Мир тут же нашёл меня в толпе посетителей и засыпал вопросами.

– Да он просто сказал, что мы приедем через полтора часа, что мне покажут, где приобрести инструмент и принадлежности. Всё.

– Это он мог сказать бы и при мне.

– Понятия не имею, почему он этого не сделал. Может,

думал, что я стану задавать ещё какие-нибудь вопросы.

– Ага, например про его возлюбленную, – хихикнул Мир. Я усмехнулась.

Мы вкусно позавтракали, и я тоже стала бодрой, весёлой, и вся в предвкушении. Я отвлеклась лишь на телефонный звонок – мама.

– Почему ты не позвонила, когда приехала? – без всяких предисловий строго спросила она.

– Прости, я не успела. Да и приехали мы недавно.

– То есть? Почти двое суток уже прошло с тех пор, как вы отъехали от Амстердама. Или вы ночевали в гостинице? В каком вы вообще городе? – директор выжидательно смотрел на меня – все уже вошли в автобус.

– Мы недалеко от города. Мам, я позже позвоню, вечером. Меня зовут.

– Ладно, только не забудь.

– Хорошо, хорошо, – я отключила телефон и забежала в автобус, поймав на себе чужие взгляды. Колин снова сидел справа от Лиса, а меня Мир пропустил к окну.

– Кто звонил? – поинтересовался он.

– Да так, мама... – Профессор Ровенбах кашлянул, призывая всех к тишине и привлекая внимание.

– Итак, дорогие ученики, примерно через полтора часа мы будем на месте. Многие из вас едут в Аристел не в первый раз, но некоторые всё же ничего не знают об академии. Сегодня же, как только вы пару часов отдохнёте, вы отпра-

витель в различные лавки и магазины, чтобы приобрести инструменты, если кому-то нужны, письменные принадлежности, учебники. Деньги будут вам нужны, если вы захотите купить, к примеру, не обычное перо, а какое-нибудь... с украшениями, или сладости, или... Короче, что-то, что не нужно для учёбы. Инструмент, как и то, что вам понадобится в учебном процессе, вы получите бесплатно. Деньги вы сможете зарабатывать в академии, это кристаллы, которые дают за лучший ответ или травы, которые вас попросили собрать, или за небольшую работу вроде доставки посылки по деревне. В свободное от учёбы время, а именно в выходные и каникулы, вы можете работать у жителей Эдлера – это небольшой город, находящийся за пределами Аристела и его округа. Аристел – это название академии, вообще наша местность называется «Янтарь». Я никому ещё не говорил, как выглядит Аристел, то есть знают об этом лишь те, кто видел его собственными глазами. Скоро новички сами всё увидят. Расписание вам выдадут сегодня во время ужина. У каждого факультета – а факультет – это ваш инструмент, будет куратор. Я – куратор виолончели, хоть и играю на всех пяти инструментах. Также хочу сказать, что я не только директор, но и преподаватель. Так, что ещё?.. Да, все вы получили перстни чайки или ворона, в зависимости от того, какая птица прилетела к вам с письмом о зачислении. Прошу ни в коем случае этот перстень не терять, – взгляд директора обратился ко мне. Я еле заметно кивнула. Автобус уже стре-

нительно мчался по трассе, и позади я снова заметила другие автобусы, что следовали за нами. – Учеников в академии достаточно, в этом году – особенно много новичков, поэтому я прошу прощения у тех, кто был вынужден сам разбираться с кодом, который вы получили от птиц, и у тех, кому перстень отдавал ваш ворон или чайка, а не преподаватель. Особенно это было сложным для тех, чьи родители не являются универсалами и не могли обучаться в академии Аристел, поэтому не могли вам ничем помочь и хоть что-то рассказать. Вот, наверное, и всё. Всё, что вам нужно, узнаете по ходу или от старшеклассников, но предупреждаю вас – всем их словам доверять нельзя, – профессор Ровенбах усмехнулся. – Если есть вопросы, можете задать сейчас.

Одна девочка, сидящая впереди, подняла чуть дрожащую руку. Директор ей кивнул.

– Сэр, а... как я узнаю, какой именно инструмент мне следует приобрести? Или я могу просто выбрать тот, который нравится?

– Это зависит и от вашего желания, но не только. Ещё в выборе вам поможет ваша птица. Например, вороны не могут выбрать саксофон или гитару, а чайки – скрипку или фортепиано.

– А виолончель, сэр?

– Виолончель могут выбрать как чайки, так и вороны. Когда вы отправитесь в магазины, вас будет сопровождать ваша

птица.

– А как далеко от академии находятся магазины?

– Смотри от какой части академии. Но вообще, до них вы, младшие классы, поедете на автобусе, это минут пятнадцать или двадцать.

– А старшие классы, сэр?

– Об этом позже узнаете. Есть и другие виды транспорта, – улыбнулся директор. – Ещё вопросы?

– А какие предметы изучаются в академии? – поднял руку мальчик в деловом костюме.

– Об этом вы узнаете уже сегодня вечером, когда получите своё расписание. Больше вопросов нет?

Никто не ответил. Директор улыбнулся и сел рядом с водителем, достав какую-то тетрадь. В автобусе снова стал слышен шёпот, весёлые разговоры и смех, ужасное волнение первокурсников и предвкушение приезда всех учеников.

– Почему на тебя директор так посмотрел, когда про кольца говорил? – спросил Мир. От него не ускользнуло и это...

– Да тут такая история была... – я стала рассказывать ему про потерю кольца. На улице было тепло, особенно – для января. Шапку, конечно, не снимешь, но ни ветра, ни снегопада не наблюдалось. Все уже молчали, стекло запотевало от дыхания и прижатых носов. Директор поднялся, и казалось, что ученики даже дышать стали тише. Автобус остановился, и пробежал взволнованный шепоток. Я почувствовала, как в животе что-то скрутилось.

– Мы приехали, – провозгласил директор. Все замерли. – Можете выходить, – он лучезарно улыбнулся и, поправив своё пальто, спустился по ступенькам. Когда я поднялась, Мир шепнул мне на ухо: «Только не упади в обморок», и отошёл к Колину.

Шагнув из автобуса навстречу тёплому порыву ветра, я действительно затаила дыхание и чуть не упала. Все первокурсники, что впервые попали в место, которое называется Аристелом, стояли на месте, чуть приоткрыв рты.

Мы стояли на вершине горы, а внизу ровным рядом раскинулись двухэтажные домики, что дарили желтоватый свет. Одно бежево-небесное здание в самом конце было гораздо больше остальных, оно, наверное, и было местом обучения. Рядом с ним стояла пристройка, тоже двухэтажная, красного цвета. Вокруг были горы, они окружали деревню с трёх сторон. А с четвёртой стороны, за зданием академии – море... На небе несколько маленьких облаков, чуть сероватое небо, крыши домов покрыты тонким слоем снега, дорожки расчищены, а домики были не только у подножья горы, на которой мы стояли, но и дальше, по берегу моря слева и справа. Вдалеке видны яркие огни ещё одного большого здания, похожего на кафе, а в правой части деревни, прямо в скале, было большое отверстие, куда мог проехать даже наш автобус, оно вело в большое поле. Почти под нами, только чуть левее, между двумя холмами был проход, через него можно было попасть в лес. Там стоял маленький деревянный до-

мик, из трубы которого валил почти прозрачный дым. Все дома выглядели новыми и уютными, освещённые фонариками. Теперь главное – чтобы были хорошие соседи... Я же не буду жить одна в двухэтажном доме.

– Я вижу, вам понравилось, – заговорил директор. – В одном доме обычно живут две дамы и два юноши, этаж будет написан на ключе, что я вам дам. Теперь разбейтесь на пары и четвёрки.

Я обречённо разглядывала всех девочек, что искали своих подруг и весело подбегали к ним. Лора и её подруги стояли вчетвером. Я всё также стояла одна, но через минуту ко мне подошёл Мир.

– Тоже нет соседа? – грустно спросил он.

– А Колин? – я поискала глазами друга Мира среди толпы.

– Он ушёл к своему другу со второго автобуса. Вообще, он просто мой однокурсник, мы не так много общаемся. А Лис где?

– Понятия не имею, – я покрутилась, пытаюсь отыскать чёрную длинную шевелюру, отречённо болтающуюся где-нибудь у автобуса. Но его нигде не было.

– Я же сказал – в одном доме две дамы и две юноши! – сказал директор, подходя к четырём девчонкам, стоящих кучкой. – А вы, мисс Адлер? – я чуть пожала плечами, посмотрев на Мира.

– Ладно, расселяйтесь, как хотите! – воскликнул профессор Ровенбах.

– Ада, Ханна, Луиза, Дэвид – простите, что по именам, ваши ключи, – директор отдал всем четверым по ключу с маленьким брелком, на котором был написан номер дома – 21.

– Лора, Полли, Роза, Дина – вот ваши ключи, – Дина была второкурсницей, с которой Полли и Роза разговаривали на одной из остановок вчера.

Профессор Ровенбах подходил к парам, объединял их в четвёрки, выслушав много неодобрительных бормотаний и возмущений.

– А ещё столько автобусов... Хорошо хоть, что через час подойдут преподаватели, – уставшим тоном говорил директор, когда отдал ключи ещё одной четвёрке. Он подошёл ко мне и к Миру.

– А вы что?

– Мы... вдвоём, – сказал Мир, чуть опустив голову.

– Что значит вдвоём? – он огляделся в поисках какой-нибудь пары, которую ещё не определил. Я, наконец, заметила Лиса – он сидел на одной из скамеек, откуда было видно всю деревню. Заметил его и директор.

– Алиссандр Вольф! – крикнул профессор Ровенбах. Лис медленно подошёл, подняв глаза к небу.

– Да, сэр?

– Ты нашёл себе пару или четвёрку?

– Нет, сэр. Я не успел.

– Тогда вот, – он показал на нас с Миром. И осталось найти ещё одного человека, желательно девушку, чтобы она жи-

ла с Ивой. Лис прикрыл на секунду глаза, но не стал спорить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.